

ФИЛОСОФИЯ | PHILOSOPHY

Эстетика сегодня: материалы Седьмых Еремеевских чтений *Aesthetics Today: Proceedings of the Seventh Yermeev Readings*

УДК 18
doi:10.35853/vestnik.gu.2026.14-1.09
5.7.3.

Эстетическое в оптике разных подходов¹

Лев Абрамович Закс

АНО ВО «Гуманитарный университет», Екатеринбург, Россия,
u4345laz@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1219-3404>

Аннотация. В центре статьи главный макрообъект эстетики – «эстетическое» как специфический тип социокультурной реальности, способ духовного осваивающего мироотношения, особое смысловое качество всех компонентов этого мироотношения. Тема статьи – возможность и научная актуальность многофокусной оптики, или полипарадигмального анализа, эстетического (далее – ЭСТ). Рассматриваются теоретико-методологические предпосылки такого анализа: признание известной специфики эстетических явлений, понимание социокультурной природы ЭСТ и его принадлежности к духовной культуре, генетической, каузальной и контекстуальной связи ЭСТ с системой культуры и, одновременно, автономии ЭСТ, его нередуцируемости к своим социокультурным основаниям. Опираясь на эти предпосылки, можно выделить несколько подходов к ЭСТ: феноменологический, системно-культурологический, реляционный, аксиологический, «метаморфозный», «опытный» и «полевой», каждый из которых позволяет репрезентировать и теоретически осмыслить важные стороны сущности, существования и специфики ЭСТ.

Ключевые слова: эстетическое (ЭСТ), социокультурная природа и духовный характер ЭСТ, особое феноменально-смысловое качество как отличительный признак ЭСТ, ЭСТ как система отношений и реляционных (функциональных) свойств, эстетические ценности, «метаморфозность» (превращенный характер) ЭСТ, ЭСТ как опыт, ЭСТ как поле

Для цитирования: Закс Л. А. Эстетическое в оптике разных подходов // Вестник Гуманитарного университета. 2026. Т. 14, № 1. С. 109–123. DOI 10.35853/vestnik.gu.2026.14-1.09.

The Aesthetic in the Optics of Diverse Approaches

Lev A. Zaks

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia,
u4345laz@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1219-3404>

Abstract. At the center of the article is the main macro-object of aesthetics – the “aesthetic” as a specific type of socio-cultural reality, a mode of spiritual, appropriating attitude to the world, and a special semantic quality of all components of this attitude. The discussion in this piece is the possibility and scientific relevance of a multifocal perspective or a polyparadigmatic analysis of

¹ Статья написана на основе доклада на VII Еремеевских чтениях (Уральский федеральный университет, 14–15 ноября 2025 года).

the aesthetic (AEST). Consideration is given to the theoretical and methodological prerequisites of such an analysis: the recognition of the particular specificity of aesthetic phenomena, the comprehension of the sociocultural nature of AEST and its belonging to spiritual culture, the genetic, causal, and contextual connections of AEST with the cultural system, and simultaneously, the autonomy of AEST and its irreducibility to its sociocultural foundations. Drawing upon these premises, a number of approaches to AEST are explored: the phenomenological, the systemic-cultural, the relational, the axiological, the “metamorphosis” approach, the “experiential” approach, and the “field” approach. Each offers a way to represent and theoretically understand crucial facets of AEST’s essence, existence, and distinctiveness.

Keywords: the aesthetic (AEST), the sociocultural nature and spiritual character of AEST, a unique phenomenal-semantic quality as a distinctive feature of AEST, AEST as a system of relations and relational (functional) properties, values of the aesthetic, the “metamorphosis” (transformative nature) of AEST, AEST as an experience, AEST as a field

For citation: Zaks LA. The Aesthetic in the Optics of Diverse Approaches. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*. 2026;14(1):109-123. (In Russ.). DOI:10.35853/vestnik.gu.2026.14-1.09.

Цель статьи: показать необходимость, закономерность и релевантность многофакторной оптики (= полипарадигмальной методологии) видения и объяснения эстетической реальности, или, как категориально закрепилось в нашей эстетике, эстетического.

Введение. «Эстетическое»: термин и его денотаты

На протяжении всей истории существования эстетической науки ее ключевой фундаментальной проблемой была и остается проблема природы, сущности и специфики эстетического. Этим термином-прилагательным в эстетике принято обозначать:

1) обнаруживаемые сознанием людей в окружающем их мире особого рода свойства (главные: прекрасное и безобразное, возвышенное и низменное, трагическое и комическое, а также их частные модификации², симбиозы/«миксты»³, некоторые другие явления, порой даже не имеющие специального названия, зато уверенно выявляемые или моделируемые искусством);

2) объекты-носители этих особых свойств, настолько органично и неразрывно сплотившиеся с ними, что свойства эти представляются нам – нашему восприятию и сознанию – имманентными и атрибутивными для этих объектов;

3) обнаруживающие и осваивающие эти свойства специфические восприятие (созерцание) и переживание их объектов-носителей;

4) другие виды активности людей, направленные на эстетические объекты и их эстетические свойства (проектирование и практическое созидание объектов, обладающих такими свойствами, их воспроизводство и сохранение или, наоборот, их элиминация);

5) обеспечивающее и осуществляющее фиксацию и освоение эстетических свойств сознание и субъекты, обладающих таким сознанием;

6) устойчивый способ взаимосвязи эстетических субъектов и эстетических объектов – особый тип отношения субъектов к объектам; наконец,

7) некое особое качество, присущее субъектам, объектам и их отношениям, позволяющим субъектам выявлять и осваивать эстетические свойства объектов. Со временем стало ясно, что последнее – универсальный системообразующий признак, соединяющий в системное целое все названные компоненты. И это присущее всем людям, существующее и эволюционирующее на протяжении всей истории человечества системное целое выступает специфическим *типом реальности*. Благодаря чему слово

² Например, это такие формальные модификации прекрасного, как «красивое», «изящное», «грациозное» и «прелестное».

³ Наиболее известны и «терминологически привычны» такие симбиотические модификации эстетических свойств, как возвышенно-прекрасное и трагикомическое, но ведь не менее очевиден и микст трагического и возвышенного.

«эстетическое» приобрело субстантивный характер = стало существительным, обозначающим этот тип реальности.

Преобразование «эстетического» из прилагательного в существительное стало, с одной стороны, оформлением эмпирической фиксации, она же первичное концептуальное конструирование, или *сборки* важнейшего объекта философской эстетики. С другой – эта сборка имплицитно зафиксировала две важнейшие характеристики ЭСТ: его системный и бытийственный характер. И, собственно говоря, в этом, прежде всего, и заключается концептуальный смысл субстантивизации термина «эстетическое» как важнейшего основания теоретического видения данного объекта. Что, по иронии истории науки, стало понятно много позже самого превращения ЭСТ в полноценный центральный концепт эстетики. Ни Л. Н. Столович, одним из первых осознавший и артикулировавший это превращение, ни М. С. Каган, не убоившийся отказаться от догматических подходов советской «марксистско-ленинской» эстетики, не актуализировали системно-онтологический ресурс и соответствующий концептуальный «горизонт» категории ЭСТ. Приоритет в этом отношении принадлежит А. Ф. Еремееву. Он построил (впервые не только в советской, но, кажется, и в мировой эстетике) системную многоуровневую теоретическую модель ЭСТ (см.: [Еремеев 1975]). Сама осознанная установка на системность ЭСТ была новаторской, хотя по реализации и не бесспорной. Еще более спорной была трактовка онтологического характера ЭСТ. Тут сказалась верность автора императиву натуралистического материализма – в противоречии со спецификой ЭСТ⁴. Я не раз высказывал своему учителю и руководителю несогласие с этими и некоторыми другими положениями его теории⁵. Но в данном контексте много важнее позитивные моменты последней. Они входят в методологический арсенал современной эстетики и выступают важными предпосылками-основаниями идеи принципиальной полипарадигмальности методологии анализа-объяснения ЭСТ. К краткому рассмотрению этих предпосылок мы и перейдем.

Предпосылки решения проблемы эстетического: исходные пункты его современного понимания

1. Учет признанной феноменальной специфики ЭСТ.

Представляется, что для выделения – среди бесконечного феноменального многообразия мира – эстетических свойств объектов, т. е. тех свойств, для порождения и освоения которых создана и реализуется система ЭСТ, встречаются его специфические субъектные и объектные, предметные, психологические и деятельностные, содержательные (информационные) и формальные (семиотические) основания и актуализируется, непосредственно *является* людям уже названное особое («эстетическое») качество как системообразующий и видовой отличительный признак (*differentia specifica*) ЭСТ, необходимы и достаточны три его основные особенности:

- чувственный характер (обнаружение-явление эстетических свойств объекта только при непосредственном, чувственном контакте с ним);
- эмоциональная реакция на объект (то, что не переживается, не может являться нам «эстетическим», эстетически);

⁴ С одной стороны, А. Ф. Еремеев разделял аксиологическое понимание ЭСТ. Однако, стремясь сохранить верность материализму, как он его понимал, он постулировал существование эстетических ценностей на уровне материального бытия: «Материальность формы бытия и независимость от сознания людей этого уровня эстетических ценностей очевидна» [Еремеев 1975, с. 68–69]. Несовместимость последнего утверждения с аксиологической природой и духовным характером ЭСТ не смущала Аркадия Федоровича: верность натуралистическому материализму и «ленинской теории отражения» была важнее.

⁵ Нельзя не отметить, что теория А. Ф. Еремеева оказалась не только высшей (по полноте и системности репрезентации и концептуализации темы-проблемы), но и последней ступенью видения ЭСТ советской эстетикой. После нее и до наших дней ни одной значительной (не говоря даже о системной) работы по этой главной проблеме эстетики в России не появилось.

– неутилитарный характер эмоционально-переживательной реакции (отсутствие любых материальных и практических мотивов реакции, ее содержательная «бесцельная целесообразность» (Кант)).

2. Признание принадлежности ЭСТ к миру культуры.

Здесь важен не только «прямой» антинатурализм: отказ приписывать ЭСТ объективный «природный» характер (= независимость его от человека, его сознания). Антинатурализм для понимания ЭСТ необходим, но не достаточен. Требуется осознанная «культуральность» видения: понимание специфики культуры и создаваемых ею реальностей, неприродности ее закономерностей и свойств, субъектов и структур, процессов и продуктов. Способность видеть эту неприродную специфику в разных аспектах и проявлениях ЭСТ. Как, например, видел Л. С. Выготский социокультурную природу и основания в присущих только людям психических способностях, что привело великого психолога к теории высших психических функций. Между тем, и в психологии⁶, и в эстетике до сих пор доминируют «докультуральные» (фактически, натуралистические) воззрения на сверхприродные способности людей, включая специфическую способность к эстетическому контакту и освоению мира: эстетический вкус. Его продолжают представлять то как природную способность («врожденность» вкуса), то (вполне в духе XVII века) как разновидность и модификацию прирожденного «ума», то как естественное следствие естественно же формирующейся эстетической потребности (тут натурализм приводит, по сути, к совершенно мистическому пониманию связи эстетического вкуса и эстетической потребности, также принципиально отличающейся от природных потребностей и рождающейся в процессе социокультурного формирования вкуса и только на его основе).

3. Признание принадлежности ЭСТ к социокультурному миру духовного, т. е. к духовной культуре.

Общекультурная специфика для ЭСТ опосредуется и конкретизируется его органической причастностью к этой макроподсистеме культуры и собственной (разумеется, специфической) духовной сущностью. Духовная сущность ЭСТ осознавалась еще античными философами. Начинатели эстетики Нового времени, а фактически всей современной эстетики – Баумгартен и, особенно, Кант – также не сомневались в духовности ЭСТ. Как по смысловому содержанию (что Кант показал в своем анализе прекрасного и возвышенного), так и по субъективной (психологической) форме, основанием которых Кант признал – и философски узаконил – особую синтетическую (интуитивную по механизму) способность бескорыстного («незаинтересованного», неутилитарного) восприятия и переживания самоценных («бесцельно целесообразных», интуитивно – «без понятия» – открываемых и переживаемых) видимостей объектов. Для Гегеля духовность ЭСТ коренилась в его субстанциональности: причастности к саморазвертыванию и самопознанию Абсолютного духа. Марксистско-ленинская эстетика, вслед за общей философией марксизма, радикально упрощенной Лениным и Сталиным, наряду с (вынужденным) признанием неутилитарности ЭСТ (тут ведь вождям-идеологам приходилось считаться и с личным эстетическим опытом), постоянно редуцировала ЭСТ (в том числе и в первую очередь искусство) к разного вида социальной пользе. И этот неустранимый «классовый» утилитаризм (наиболее ярко и агрессивно выразившийся в ленинско-сталинской концепции партийности искусства, чему в сфере этики соответствовала столь же утилитаристская концепция «морального» как практически целесообразного для пролетариата, а на деле – для идеологически и политически заменившей его компартии) получил общемировоззренческое подтверждение-оправдание в советской философии посредством фактической ликвидации понятия «духовное» в качестве особого самостоятельного философского концепта. «Духовное» было приравнено к «сознанию», «осознанности» и, в конце концов, – к «сознательности». Рассмотрение «духовного» как особой самостоятельной реальности полагалось идеалистиче-

⁶ См. об этом в моей статье: [Zaks 2014].

ским взглядом на сознание. Что создавало реальные затруднения как в общей теории культуры, в теории духовной культуры (где все идеальные продукты сознания, например, научного, «зачислялись» в сферу духовной культуры), так и в эстетике. К слову, советские эстетики, несмотря на множественность попыток, так и не сумели внятно и убедительно объяснить природу неутилитарности эстетических ценностей. Потому что без признания существования особого духовного сознания с его для-себя-бытием, онтофункциональной автономией и собственными потребностями за всяким сознанием неизбежно будут маячить материальные потребности и – как следствие их доминанты, а в конечном счете – единственности – выражающие их утилитарные ценности. Откуда же взяться при таких посылах неутилитарным ценностям?!

4. Признание специфического функционального (целевого: не почему, а зачем?) основания существования и специфики ЭСТ: его социокультурной духовно-душевной сверхзадачи, или генеральной функции.

Понятно, что ответы на это «зачем?» могут быть и являются множественными и различными. Хотя эти ответы не могут игнорировать данность-заданность объективной посылки, с которой работает ЭСТ как система особого освоения мира. Посылка эта – мир чувственных явлений – «вещей» в предельно широком значении этого слова, обладающих чувственной выразительной формой. Это и есть объекты эстетического освоения. Зачем их нужно осваивать чувственно-духовно-эмоционально (что и делает ЭСТ)? При возможной разнице версий генеральной функции/сверхзадачи ЭСТ ответ не может обойти тот факт, что если освоение носит чувственно-духовно-эмоциональный характер, то очевидно, что непосредственным целевым результатом такого освоения может выступать только определенное воздействие на духовно-психический мир людей для достижения какого-то необходимого людям (значит, важного и для социума) его, этого мира, состояния.

Какое это состояние, можно видеть, понимать, интерпретировать и объяснять по-разному. Но ведь есть нечто, понятное задолго до нас. Кантом, прежде всего. Присутствие эстетических видимостей во внутреннем мире человека и их освоение последним дает два фундаментальных субъективных, нематериальных и непрактических эффекта: 1) гармонизацию духовно-душевных сил и состояний субъектов, их отношений с миром и «субъективного-для себя – бытия»; 2) снятие/преодоление негативного состояния зависимости от чувственной реальности и раскрепощение сознания и его психических сил. Общие соображения Канта на этот счет на полтора века опередили кибернетику, современную психологию и философию сознания. Но при любой версии концепт особой генеральной функции ЭСТ, рождаемая им установка-интенция теоретического сознания выступают основой, контекстом и коррективом конкретного анализа на основе любого методологического подхода и диалога конкретных методологий.

5. Генетическая (как в фило-, так и в онтогенезе) и контекстуальная связь ЭСТ со всей системой культуры: с ее материальной, информационной и духовной подсистемами, с целостностью человеческой деятельности (системой ее основных типов и видов), человеческого существа (тело, душа, дух); динамический характер этой связи, проявленный в эволюции иерархической системы социокультурных детерминант.

Для анализа и понимания ЭСТ чрезвычайно важно осознание его как одного из величайших и уникальных детищ культуры, особенного (не сводимого к своим основаниям-детерминантам) результата ее живого многогранного синтеза, ее яркой экспрессивной квинтэссенции⁷. Это общее видение многосторонней, системной, всегда конкретно-исторической связи ЭСТ с культурой эксплицируется в культурологический

⁷ Маркс когда-то определил философию как квинтэссенцию культуры, и был, конечно, прав. Но у культуры не одна квинтэссенция. Философия – квинтэссенция мировоззренческая. ЭСТ – в не меньшей мере квинтэссенция культуры, но другая во многих отношениях (хотя и не во всех: они ведь, философское мировоззрение и ЭСТ, как и морально-нравственное, фундаментально-научное, религиозное и художественное освоение мира, не зря живут и работают рядом и вместе как компоненты единой системы духовной культуры).

подход к ЭСТ, существующий как специальный (отдельный), так и вспомогательный, сопутствующий собственно эстетическим методологиям. Последние непосредственно направлены на постижение специфики ЭСТ, тогда как культурологический подход (в обоих своих вариантах-применениях) служит выявлению социокультурных оснований этой специфики, факторов ее исторической и иной культурной типологизации и результатов последней: социокультурных вариантов системы ЭСТ.

6. Принципиальная автономия ЭСТ: содержательная (информационная), формально-знаковая, психодуховная, субъектно-деятельностная, онтофункциональная; нередуцируемость ЭСТ к любым его истокам-основаниям.

Это очень важная посылка работы с ЭСТ. Культура, в том числе духовная, создает и сохраняет разнообразные «специфики», как правило, в силу объективной необходимости. Все эти «специфики» именно посредством особенностей своего содержания и формы, существования и воздействия решают задачи и достигают целей, которые без них не были бы решены и достигнуты. Именно поэтому при всей значимости генетических и системных отношений ЭСТ со своими основаниями, факторами, «соседями» по системе и «партнерами», при всей важности обнаружения и постижения характера («следов») влияния на ЭСТ многочисленных детерминант его постижение и теоретическая (впрочем, как и практическая) работа с ним требует выполнения принципа *нередуцируемости* ЭСТ во всех его аспектах и элементах к любым его неэстетическим основаниям. Сохранения/удержания – при всех теоретических (мыслительных) метаморфозах ЭСТ – явленности, горизонта и контекста, а для этого, прежде всего, живого со-бытийного ощущения-переживания уже называвшегося нами ранее *актуального эстетического качества* как непосредственного системообразующего специфического признака ЭСТ-системы и ее отдельных компонентов.

**Традиционная для познания, в том числе философского, проблема начала:
отправной точки, исходной оптики**

(что делает ее в дальнейшей работе и основанием,
и, отчасти, критерием релевантности всех других подходов)

Полагаем такой возможной отправной точкой = началом и основанием осмысления ЭСТ как особой реальности подход *феноменологический*.

В нем ЭСТ берется, прежде всего, как особый *феномен* в гуссерлевском смысле слова. Мы не знаем другого ЭСТ, кроме как особой данности нашего сознания (нашему сознанию):

- чувственной и, одновременно, сверхчувственной;
- предметной (т. е. «привязанной» в нашем восприятии-осознании-переживании к определенному внеаходимому нам объекту, его чувственной форме) и, одновременно, смысловой;
- аффективной (эмоционально-переживательной) и, одновременно, когнитивной;
- конкретной и, одновременно, символической.

Из хорошо известных особенных признаков этого феномена назову только ключевой: *содержательно-смысловой*. Эстетический феномен издавна определяется как *неутилитарный, самоценный и самодовлеющий*. Эти черты «выдают» и репрезентируют важнейшую сущностную характеристику всей эстетической реальности (всего ЭСТ) – ее принадлежность к сфере духовного как типа сознания и культуры, типа информации и реальности.

Но ведь не менее важна и другая особенность. Она настолько органична любым (всем) эстетическим феноменам и настолько имеет «само собой разумеющийся», «самоочевидный» характер, что о нем нечасто говорят даже рефлексующие теоретики ЭСТ, а самим эстетическим сознанием, постоянно имеющим дело с этой особенностью, она «потребляется» автоматически-неосознанно. Эта особенность – уже называвшееся здесь, присущее всем эстетическим феноменам *качество*. Обозначаемое тем же самым

словом «эстетическое» и выступающее *differentia specifica* и *системообразующим* началом всего одноименного типа реальности.

Сочетание духовного характера эстетического феномена с его собственным феноменальным и, одновременно, «ноуменальным» (системным) специфическим качеством открывает перспективу совмещения нескольких подходов, которые, дополняя друг друга, могут дать адекватную многостороннюю и в то же время системную теоретическую картину, или модель, ЭСТ как особой реальности. Вот эти подходы.

Некоторые наиболее актуальные методологические подходы к эстетическому

1. Системно-культурологический подход

Начинаем с него не потому, что это подход автора (он его мыслит своим, но пока больше занимался культурологическим подходом к искусству, а не к ЭСТ). Этот подход представляется объективно следующим за феноменологическим. Почему? Потому что он соединяет в себе, во-первых, системное видение ЭСТ в единстве, целостности всех его значимых компонентов, ипостасей, свойств и функций и, во-вторых, его онтологический (точнее даже онтофункциональный) исток-основание-фундамент (как в своем генезисе, так и в своем последующем историко-эволюционном существовании, на каждом его этапе) и в то же время территорию, особый хронотоп его существования и функционирования.

Как же, чем же предстает ЭСТ в перспективе и контексте этого подхода?

ЭСТ – это возникший и воспроизводимый на основе системы социокультуры особый, онтофункционально системный духовно-культурный способ человеческого мироотношения = способ *одухотворенно-чувственного* освоения мира. Подчеркиваю принципиальность единства чувственности и одухотворенности лишь относительно зрения и слуха, но не в случае осязания, обоняния и вкуса⁸.

Для постижения внутреннего устройства и жизни этого способа важно как понимание его общего основания: системы социокультуры в единстве всех ее подсистем, так и понимание его органической причастности (содержательной и формальной, психологической и семиотической, бытийной и функциональной) к миру духовной культуры.

Социокультура в единстве всех своих макроподсистем (материальная, информационная, духовная), всех своих деятельностных, объектно-предметных, субъектно-антропологических (тело, душа, дух), инструментально-технических, социально-институциональных, информационных (знания, ценности, проекты, технологии), семиотических, традиционных и творчески-новаторских компонентов и аспектов для ЭСТ выступает системой многовидовых *доноров*, питающих и детерминирующих все компоненты системы ЭСТ. Но она также в историческом социокультурном существовании и функционировании ЭСТ выступает и системой семантических и прагматических контекстов, конкретизирующих (объективно и субъективно, «для нас») общую специфику ЭСТ, его универсальную генеральную функцию и систему конкретных функций, его предметно-ценностные содержания и формы их выражения, воздействия, включения в духовные и практические сферы и процессы коллективного и личного существования людей. Понятно, что для исследования ЭСТ как всеобщего и универсального, тотального (в гегелевском смысле) и персонального мироотношения необходимо осмысленное единство ресурсов всех субдисциплин культурологии: философии (общей теории) культуры, социальной, исторической, психологической, семиотической, этнической (этнологической), антропологической культурологии. При этом базовое, фундамен-

⁸ В последнее время появились попытки связать с эстетическим, увидеть эстетическую «ресурсность» в обонянии и осязании (см., напр.: [Загрядская 2024]). Не имея возможности обсуждать эти попытки подробно, только подчеркнем, на наш взгляд, их безосновательность. Эти чувства в силу их психофизиологической доминанты и потому весьма ограниченной информативности лишены способности быть/стать органами духовно-ценностного отношения к чувственным объектам, не могут обеспечить реализацию тех важнейших особенностей ЭСТ, о которых уже сказано и будет сказано далее.

тальное методологическое значение остается за культурфилософским подходом к ЭСТ. Поскольку ключевой, основополагающей особенностью ЭСТ является его глубинная, системообразующая для всей эстетической реальности, *мироотношенческая структура*, как и, в другом аспекте, структура *онтофункциональная социоотношенческая*.

Именно отсюда следует, на наш взгляд, важнейший для постижения ЭСТ философско-теоретический подход, рассматриваемый далее.

2. Реляционный подход

Видение ЭСТ как, прежде всего, *логически* необходимого для социокультуры и потому воспроизводимого, транслируемого в пространстве и времени особого типа *субъект-объектного отношения*.

На первый взгляд, кажется, что об этой сущности ЭСТ давно и много сказано. На деле же мы скорее декларируем (в научном и образовательном пространстве) реляционный подход, чем креативно работаем с ним. Мы *методологически* в этом плане и поверхностны, и нередко схоластичны. Реляционность – важнейший принцип существования всей духовной культуры и каждого ее компонента и элемента. Это принципы постоянных соположенностей, сопряженностей, взаимозависимостей, взаимометаморфоз, и не только субъектов и объектов – практически всех элементов, структур и сфер социокультуры, исток и основание рождения и существования именно в рамках устойчивых отношений особых = *функциональных свойств* и *эффектов*. ЭСТ – характерный и яркий «плод» таких разнотиповых отношений. Их осознание и понимание – основа не только философии ЭСТ, в частности, до сих пор недостаточно исследованной его онтологии, но и его генеалогии и феноменологии, психологии и семиотики, воздействия и функционирования. «Сердце» ЭСТ: содержание эстетических значений как таковое и их формирование и существование реляционны, причем это сложные сети и цепи отношений разного вида и уровня. Динамика ЭСТ не может быть осмыслена вне реконструкции меняющихся сетей социальных (в широком и узком смысле), экономических, политических, коммуникационно-информационных и иных отношений. Как и системы разнокачественных субъект-объектных отношений.

Понимание/признание тесной, неустранимой связи ЭСТ как субъект-объектного отношения с его социокультурными основаниями, с одной стороны, и с феноменальной спецификой ЭСТ, с другой, рождает следующие значимые ракурсы его рассмотрения-постижения-понимания.

3. Аксиологический подход

Смыслопереживательный характер эстетического феномена, его, таким образом, неотделимость от сложного переживательного взаимодействия субъекта и объекта, аналитически постигаемое «присутствие» в эстетических свойствах «следов» как объектов, так и субъектов и в то же время «ненатуральный» (Л. Уайт сказал бы «супранатуральный»), а именно социокультурный функциональный его характер однозначно указывает на *аксиологическую* сущность ЭСТ = на *ценностный* характер эстетических феноменов. Названная в начале статьи в качестве атрибутивного свойства эстетических явлений эмоциональность выражает (и это азбучная истина современной психологии!) оценочную реакцию субъективности, предметом которой является ценность воспринимаемого объекта: его (эстетической культурой фиксированная и особо оформленная) значимость для жизни и духовного мира людей, его определенное влияние на удовлетворение/неудовлетворение их потребностей и достижение/недостижение их целей.

И важная особенность эстетических ценностей: лежащая в основе конкретного эстетического явления, информационно концентрированная в нем ценностная ситуация встречи субъекта и объекта в эстетическом отношении и рождающихся в нем ценностей получает важное для мироориентации людей смысловое и переживательное обобщение. ЭСТ – не просто ценностное отношение, а духовно-деятельностная и предметно-символическая (в объектах ЭСТ) интеграция, особый обобщающий синтез определенного класса мирочеловеческих ценностных ситуаций «человек – мир человеческих ценностей». Много лет назад я показал это в статье [Закс 2001]. Мой ана-

лиз позволил объяснить не только большой обобщающий культурный смысл каждой эстетической ценности, ее поистине мировоззренческую значимость и роль. Он также объяснил – благодаря выделению единой в своем логическом существе «ценностно-отношенческой» основы всех эстетических ценностей – закономерно-целесообразный и системный характер так называемых (и называемых так не случайно, а глубоко верно!) основных эстетических ценностей. Судите сами:

Первая и главная ценность ЭСТ – *прекрасное* обобщает и выражает тот в высшей степени желанный для людей класс/тип ситуации «человек – мир его ценностей», когда возникают гармонические отношения человека с соразмерным ему и освоенным им его ценностным миром, что духовно воспринимается и переживается людьми как чувственно-сверхчувственное совершенство и вызывает реакцию восхищенного безоговорочного приятия и любования: «Узнаю тебя, жизнь, принимаю!» (А. Блок), «Природа, мир, тайник вселенной, / Я службу долгую твою, / Объятый дрожью сокровенной, / В слезах от счастья отстою» (Б. Пастернак).

Вторая основная ценность – *возвышенное* обобщает и выражает бытийную ситуацию, в которой люди, движимые своим творческим духом и зовом безмерной, превосходящей их материальные возможности реальности, не удовлетворяются ценностями уже освоенного мира и выходят за его границы в стремлении к новым ценностям и связанным с ними новым уровням существования, материальных и духовно-душевных сил, преодолевая страх, скованность, доводы обывательского рассудка и привычки-привязанности одомашненного мира, – и открывают для себя мир как «безмерное в мире мер» (М. Цветаева), субъективно возвышаясь до него («что-то поравнялось с небесами – и там накоротке» (Р.-М. Рильке)), приобщаясь к новой для себя ценностной абсолютности и абсолютной ценности и переживая свое родство с могуществом мира и собственную творческую свободу, беспредельность собственных возможностей, «бессмертья может быть залог» (А. С. Пушкин).

Третья основная ценность – *трагическое* обобщает и выражает типологическую бытийно-ценностную ситуацию неизбежной вынужденной мучительной утраты людьми своих фундаментальных, составляющих важнейшее условие их нормального существования ценностей вследствие сущностных антагонизмов жизни, чье конфликтное разрешение ведет к разрушению ценностного мира и самой жизни людей. Но в отличие от утилитарного переживания таких конфликтов и утрат (повергающего людей в шок, беспросветное уныние, разочарование в жизни и в состоянии психологической энтропии, разрухи и отчаяния, что означает их сокрушительное поражение перед лицом сложности мира) их эстетическое освоение открывает воспринимающим особую обобщенную ценность: высокий трагизм жизни, а через него = через рождаемые им напряженные многозначные переживания, мысли и волевые состояния приносит понимание («правду») суровых законов земной жизни («судьбы»), фундаментальной значимости, необходимости и незаменимости определенных ценностей, а с ним и любовь к тем и гордость за тех, кто жертвует жизнью ради торжества этих ценностей, – и собственную верность им, волю к ним и их утверждению. Так в кажущемся беспросветным горизонте невозможных утрат, вопреки его мрачной подавляющей логике, рождается спасительный просвет – свет важной правды-истины («Плакать трагическими слезами значит понимать», А. Боннар), свет веры, любви и надежды, психической формой которого становится открытый еще древними греками катарсис – состояние очищения души и сознания от негативных эмоций и смыслов, трудного, но благотворного для жизни обретения состояния внутренней гармонии и свободы. Что позволило великому творцу трагического в музыке Бетховену сказать: «Жизнь есть трагедия. Ура!»

И четвертая, последняя ценность в ряду (системе) основных эстетических ценностей – *комическое*. Если в трагическом вынужденная утрата ценностей и, значит, болевое и требующее недюжинных духовно-душевных сил урезание, сокращение ценностного мира, то комическое – эстетический способ освобождения от разоблаченных как мнимые, ложные, обманывающие мир и самих обладателей этих качеств ценностей,

следовательно, добровольное сокращение людьми своего ценностного мира, веселое и бесстрашное очищение его от различных несовершенств, открываемых и публично провозглашаемых антиценностями. Здесь гармонизирующую и освобождающую роль играют эстетические модификации (варианты) смеховых пониманий и реакций на антиценности, творческая разоблачающая игра эстетического сознания с ними и их носителями-обладателями. Эстетический смех, выросший в эволюции культуры из спонтанного психофизиологического смеха (имеющего место уже у высших животных), стал важнейшим духовно-психическим механизмом постижения, разоблачения и девальвации, точнее – девалоризации (обесценивания) мнимых ценностей и антиценностей разного масштаба и значения. Именно поэтому «насмешки боится даже тот, кто ничего на свете не боится» (Н. В. Гоголь). А движение человечества по пути прогресса, что невозможно без отказа, освобождения из плена неподлинных ценностей, начиная с достаточно ранних стадий развития мировой культуры сопровождается «взрывами» торжествующего эстетического смеха (комического).

Принципиально важно понимание эстетических ценностей как *духовных*. О чем говорит, прежде всего, неутилитарный их характер = существование в качестве самоценных, самодовлеющих (самодостаточных) и созерцательных (А. Ф. Лосев писал, что эстетическая ценность есть «самостоятельная и чувственно непосредственно воспринимаемая ценность», а в другом месте той же статьи: она «воспринимается как самостоятельная, бескорыстно созерцаемая жизненная ценность» [Лосев 1970, с. 570]). Показанная выше их смысловая обобщенность также присуща исключительно сферам человеческого духа (утилитарные ценности сугубо конкретны как функционально, по своим целевым основаниям: для чего, зачем, так и в своем смысловом содержании). А субъектным основанием эстетических ценностей выступает принадлежащее духовной культуре эстетическое сознание. Оно – и субстратная основа ЭСТ (эстетический вкус), и энергетическая (эстетическая потребность), и матрично-информационная (эстетические ценностные эталоны, идеалы, чувства), но также и субстанциональная (деятельностная): главная деятельность эстетического сознания (потому и включенная А. Ф. Лосевым в основные признаки ЭСТ) – особое чувственно-сверхчувственное созерцание. Вне интенционального поля актуального (активного) духовного (эстетического) сознания (как и, в другом отношении, вне каузального и контекстуального отношения с матрицами, потребностями и целями социокультуры) эстетические феномены не формируются и актуально не существуют.

Попытки устранить аксиологическое понимание ЭСТ, заменить его другими типами понимания совершенно беспочвенны. Наоборот, другие подходы (способы понимания) получают в духовно-ценностном понимании ЭСТ свое необходимое и специфицирующее основание и дополняют аксиологический подход.

4. «Метаморфозный» подход

Название условно, пока лучшего, более удобного определения не нахожу. Суть подхода связана с констатацией, с одной стороны, каузальной (генетической) связи ЭСТ с его социокультурными основаниями *неэстетического* характера, а с другой – с особым качеством эстетических феноменов и отношений с ними, в котором прямого присутствия этих оснований нет: проще говоря, в ЭСТ нет ничего не-эстетического. Оно живет и во всегдашней связи с неэстетической культурой, и, одновременно, как автономная – содержательно, формально, семиотически (предметно-знаково и символически) и психологически, онтофункционально – реальность, к своим социокультурным основаниям не редуцируемая (не сводимая)⁹.

Это сложный тип отношения, где воздействие оснований обнаруживает себя в «снятом» виде – в их метаморфозе (трансформации) в особого, нового качества ноуме-

⁹ Такова, в сущности, черта всех феноменов духовной культуры = всех других ее содержательных сфер: морально-нравственной, религиозной, фундаментально-научной, мировоззренческой, художественной, живущих в общем мире социокультуры – и, одновременно, сохраняющих свою специфику и автономию.

нально-феноменальной системе. Эти характерные для социокультуры процессы и их результаты объяснены Марксом и интерпретированы М. К. Мамардашвили как феномен «превращенной формы» [Мамардашвили 1990]. *ЭСТ и есть один из типов такой превращенной формы социокультуры.*

Другим существенным следствием такого «превращенного» отношения оказывается *данность ЭСТ сознанию как некой особой его «объективной видимости»*. Субъекты эстетического отношения не властны по своей воле устанавливать то или иное эстетическое значение (значимость), как и его переживаемый смысл, уже во многом определяемый не только объективными социокультурными основаниями, но и объективным типом субъективности и даже персональной индивидуальности субъектов эстетического отношения. Изменение эстетической значимости и ее смыслопереживания субъектом возможно, но требует определенного практического преобразования объекта, его функционального содержания и выразительной формы.

И еще важное дополнение к теме ЭСТ как превращенной формы. В системе ЭСТ как духовно-ценностного отношения «превращенность» (= особое качество и его сложная, «метаморфозная» связь со своими неспецифическими основаниями) существует на двух уровнях.

Первый, «базовый» уровень: стабильные объективные результаты исторического эволюционного превращения первоначальных не-эстетических (практически-утилитарных и духовных) объектных и субъектных оснований в эстетически функциональные и значимые. Это превращение воплощается в структурах возникающего в системе ЭСТ особого, именно эстетического сознания, прежде всего, в специфической высшей психической функции (по Л. С. Выготскому) = способности аутентичного восприятия и переживания эстетических ценностей: *эстетическом вкусе*. А на уровне объектов – в устойчивом арсенале эстетически выразительных чувственных форм предметного мира культуры. И этот «эстетизм» (эстетическое качество) сознания и предметных чувственных форм закрепляется, сохраняется и воспроизводится эстетической культурой общества и личности, а названные стабильные структуры его обеспечивают.

Второй, *оказиональный (конкретно-ситуационный) уровень*: уровень актуальных встреч субъектов и объектов ЭСТ, когда возможные (диспозиционные) эстетические значимости объектов усилиями эстетического вкуса и вырастающей на его основе системы эстетического сознания актуализируются и осваиваются субъектами, каждый раз как бы заново осуществляя превращение неэстетического в эстетическое: эстетическую выразительность формы, ее эстетическую информативность = конкретность интуитивно считываемых и переживаемых эстетических смыслов.

И здесь открывается возможность и необходимость двух других релевантных подходов к ЭСТ.

5. ЭСТ как опыт

Любая духовная сфера и порождаемая ею реальность актуально существует только как духовно-творческая (созерцательная и/или идеально-преобразовательная) активность осваивающего взаимодействия субъекта и его объекта. В философии непосредственный деятельностный контакт с реальностью (реальностями) выражается понятием опыта, атрибутом которого полагается чувственный способ такого взаимодействия. Отсюда возможность и необходимость трактовки ЭСТ как одного из способов существования специфического духовного опыта – опыта чувственного созерцания и переживания реальности.

Следует отметить, что, несмотря на большую традицию осознания необходимости и аналитической работы с понятием опыта (от Локка и Юма до Рорти, а в эстетике – от Э. Бёрка и Канта до Дьюи), оно до сих пор весьма проблематично и дискуссионно. Гадамер отмечает: «Понятие опыта относится, на мой взгляд – как бы парадоксально это ни звучало, – к числу наименее ясных понятий, какими мы располагаем» [Гадамер 1988, с. 409]. Его оценку разделяет крупнейший современный исследователь исторического опыта Ф. Р. Анкерсмит [Анкерсмит 2009, с. 327]. Тем не менее, именно

Анкерсмит убежденно (и в весьма убедительной полемике с постмодернистской философией истории) развивает «истористскую» теорию исторического опыта, органично вплетая в нее эстетические и художественные компоненты, учитывая присутствие и влияние эстетического опыта и опыта искусства. И в названии фундаментальной монографии Анкерсмита «Возвышенный исторический опыт» [Анкерсмит 2007] слово «возвышенный» употребляется автором не патетически-публицистически, а именно в своем категориальном эстетическом значении (хотя и, к сожалению, весьма односторонне). Вот важный фрагмент Предисловия к русскому изданию. В нем Анкерсмит повторяет ключевую идею своей концепции исторического опыта как информации, получаемой «напрямую», в непосредственном чувственном контакте с исторической реальностью *как таковой* (любимая формула Анкерсмита, справедливо родственная для него кантовской «вещи-в-себе») – в отличие от той, что организована, выражена и надолго запечатлена в формах языка, что, по Анкерсмицу, помогает организовать и присвоить реальность, но фактически «собой» «закрывает» или частично искажает ее как таковую (Анкерсмит с удовольствием употребляет метафору Ницше «тюрьма языка»). Поэтому «разум постоянно находится в поисках мира как такового, мира, располагающегося за пределами комфортной тюрьмы языка» [Анкерсмит 2007, с. 6]. Но у этого мира есть обратная сторона, что становится понятно разуму сменившего Просвещение романтизма: «Но вновь этот мир полной и безусловной свободы оказывается также миром, наполненным страданием, болью, печалью и страхом: это мир травмы и возвышенного (которое является философским эквивалентом психологического понятия травмы)» [Анкерсмит 2007, с. 6]. Интересно, что парой страниц ранее Анкерсмит говорит о двух романтизмах: страдающем, выражающем себя в минорной тональности, – и романтизме безмятежном и уютном [Там же, с. 4]. В возвышенном же он видит только ужасающую человека, травмирующую сторону и не видит другой стороны, утверждающей торжествующую силу духа, прорыв его в бесконечность и бессмертие (не зря он цитирует Э. Бёрка о встрече со смертью – «царем ужасов», но не вспоминает Канта с его мажорной интерпретацией смысла возвышенного, продолженной, например, в произведениях Пушкина и Тютчева, музыке Бетховена, Листа, Вагнера).

Но для нашей темы важно другое: фиксируемая мощным мышлением Анкерсмита тесная, органическая связь ЭСТ и опыта. И еще одна существенная объективная констатация Анкерсмита. Говоря о «мире как таковом» как объективном содержании исторического опыта (того в исторической реальности, что и как напрямую воспринимается людьми, в том числе историками), он (в уже приведенной цитате) признаками объективного мира как такового, мира, так сказать, самого по себе¹⁰ называет страдание, боль, печаль и страх – эмоциональные, т. е. оценочные, состояния, пусть и представленные как «состояние мира», добавляя к ним прямо названную эстетическую ценность: возвышенное и, как он полагает, ее психологическое основание – травму. То есть для Анкерсмита, в отличие от некоторых наших эстетиков, опыт и эстетические ценности отнюдь не альтернативны. Для культуры ценности – ее объективная реальность с неотделимой от нее, не «вычеркиваемой» связанностью ее с субъектом и его субъективностью. А говоря об историческом опыте постмодернизма, Анкерсмит несколько раз называет доминантное для него ценностное состояние по поводу прошлого: ностальгию.

И тут я рискну расширить деятельностное содержание ЭСТ как особого ценностного опыта = процесса и результата живой связи субъектов с эстетической реальностью: наряду с созерцанием и переживанием он, эстетический опыт (и его продолжение – искусство), включает в себя также понимание и ценностную интерпретацию, ценностное оценивание, фантазирование, диалогическое общение с одухотворенным и одушевленным объектом и со-бытие с ним, игру, наслаждение и рефлексия. Словом, весь арсе-

¹⁰ Что для классика исторического объективизма Ранке означало требование устранения всякой субъективности историка, «вычеркивания себя» из «восстановленного прошлого» («насколько это возможно», как замечает Анкерсмит) [Анкерсмит 2009, с. 328].

нал чувственных духовно-культурных взаимодействий субъективности с эстетической реальностью и реальностью художественной.

Масштаб, глубина и соотношение названных компонентов опыта модифицируются в зависимости от специфики воспринимаемых объектов и их ценностей. Самый простой вариант – восприятие красивого как формальной красоты. Самый сложный – восприятие трагического и особенно трагикомического. Здесь непосредственное тесно связано с обширным опосредованным, чувственное – со сверхчувственным, конкретное – с символическим, ценностно многозначным, аффективное с когнитивным, в том числе рефлексивным. Эстетический опыт – категория как информационно-содержательная (гносеолого-аксиологическая), так и онтологическая, экзистенциальная. Старый идеалистический принцип *esse is percipi* (существовать значит быть воспринимаемым) совершенно верен для эстетических феноменов. А сама система ЭСТ в целом есть система живого актуального опыта восприятия и других уровней эстетического отношения (проектного и практического). Но, заметим, эта особенность ЭСТ, его способ существования точно так же (с небольшими нюансами в значениях терминов) мог бы и давно называется *деятельностным*.

6. ЭСТ как специфическое поле

Это еще одна важная *экзистенциальная* особенность ЭСТ.

Понятие поля пришло в социогуманитарные науки из физики. Насколько нам известно, одним из первых в науках о человеке и обществе его стал концептуально использовать гештальтпсихолог Курт Левин [Левин 2000]. Как отмечает «Википедия»¹¹, «теорию поля Курт Левин разработал в русле гештальтпсихологии. Понятие “поля” в данной теории обозначается как “тотальность сосуществующих фактов, которые мыслятся как взаимозависимые”. Человек, писал К. Левин, живет и развивается в “психологическом поле” окружающих его предметов... Каждый предмет имеет для человека свою валентность – своего рода энергетический заряд, вызывающий у человека специфическое напряжение, требующее разрядки. Поведение человека делится на волевое и полевое. Волевое – вызвано внутренними потребностями и мотивами, а полевое – влиянием внешних объектов» [Левин 2025].

В подходе Левина привлекает идея «тотальности», т. е., на современном языке, системности человеческой среды и ее влияния на психологию и поведение. Уже сложившаяся семантика естественно-научного понятия поля удовлетворяет интуиции ученого выразить целостность разнородных внешних (средовых) детерминант. Интересна и вторая идея: «валентности», конкретной энергетичности и, отсюда, силы влияния каждого фактора в рамках системы детерминации («полевого поведения»). Но в современной эстетике эти интуиции достаточно давно работают, что видно из уже сказанного.

В сторону иной трактовки и использования «поля» повернули социологи. Это понятие получило расширительную социокультурную трактовку благодаря работам Пьера Бурдьё [Бурдьё 2005]. Им Бурдьё заменил более традиционное и более «жесткое», но и более формальное понятие «сферы»; «поле» стало специфицирующим дополнением более философского и универсального понятия «хронотоп». Его Бурдьё существенно конкретизировал, дополнив = наполнив образ социального хронотопа системообразующими механизмами власти, капитала и конкурирующих за них «агентов». Понятие поля, таким образом, стало работать на конкретизацию фундаментальной социологической темы механизмов социальной самоорганизации, социального порядка и изменений. Что подтверждает обобщение идущих вслед за Бурдьё Н. Флигстина и Д. Макадама, работающих с концептом «поле стратегических действий»: «Поле стратегических действий представляет собой сконструированный социальный порядок мезоуровня, к

¹¹ В соответствии с ч. 1 ст. 11 ФЗ от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” на территории Российской Федерации», Роскомнадзором принято решение об информировании пользователей ru.wikipedia.org, что иностранное лицо, владеющее информационным ресурсом, является нарушителем законодательства РФ.

которому акторы (индивиды или коллективы) привязаны и в котором они взаимодействуют друг с другом на основе разделяемых (хотя и не консенсусных) пониманий о предназначении данного поля, отношениях к другим акторам в данном поле (включая то, кто и почему обладает властью), о правилах, регулирующих легитимные действия в поле» [Флигстин, Макадам 2022, с. 49]. Интересно! И неплохо применимо к социокультурному бытию искусства. Но для понимания специфики ЭСТ мало что дает.

Применительно к этой проблеме, на наш взгляд, продуктивней исходить не из концепта Бурдьё, который применяет его ко всем сферам культуры (ср.: «поле литературы», «поле политики», «поле права» и т. п.). Тут более уместно оглянуться на физику, которая совершенно точно связала представление о «поле» с *континуальными, волновыми* процессами. И в мире духовной культуры мы имеем дело с такой волновой реальностью – реальностью волновых духовно-психических процессов. Континуальны по своей природе кажущиеся дискретными (прежде всего в силу самого словоупотребления) информационные первоатомы духовной культуры: ее ценности-смыслы. Они на самом деле континуальные, или волновые, образования. О чем многократно писал М. М. Бахтин. И, по Бахтину, смыслы в своей континуальности бесконечны, как будто не имеют начала и конца (при всей своей «привязанности» к дискретным предметностям мира). Так и эстетические ценности: каждая – волновое образование, в рамках своего качества и предметных границ непрерывно-плавно самоизменяющееся. И, в то же время, это конкретное волновое качество (континуальная самоменяющаяся определенность ценности-смысла) еще и континуально взаимодействует = перетекает в другие ценностно-смысловые определенности, сливается с ними, переливается в них, опосредуется ими, «накладывается» на них и резонирует с ними. И ЭСТ как феноменальная ценностно-смысловая реальность в онтологическом плане оказывается не чем иным, как целостной пульсирующей и текучей континуальностью, т. е. своего рода эстетическим полем, не только онтологически непрерывным, но и многозначным. В бытовой реальности обыденным сознанием эта «полевая» специфика ЭСТ чаще всего не фиксируется (здесь, как правило, доминирует практически значимая дискретность объектов, ситуаций, проблем, целей). Но когда мы имеем дело (и как субъекты, и как метасубъекты) с духовной жизнью в ее самоценной многозначности, полифоничности и т. п., в том числе с живым эстетическим отношением как актуальным опытом, когда мы имеем дело с художественной реальностью большого искусства, где встречаются, взаимодействуют, интегрируются и синтезируются множественные смысловые потоки, и мы реально сталкиваемся с бесконечностью смыслового целого произведения, то тут «полевой» характер ЭСТ и художественного, как и *духовного в целом*, становится вполне очевидным (даже на уровне конкретных объектов – частей «полевого» целого, таких как художественная метафора или настоящий символ, или архетипический образ, или волшебная мелодическая тема в музыке).

Тут приходится поставить точку, равную многоточию. Не только размер статьи не позволяет подробно остановиться на системном характере всех названных и неназванных (пока, возможно, даже не осознаваемых) аспектов ЭСТ и, значит, на целостности и взаимодополнительности разных способов его описания-постижения-понимания. Значительность главного макробъекта эстетики требует продолжения методологического творчества и его философской рефлексии.

Список источников

- Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт / пер. с англ.: А. А. Олейников и др. ; науч. ред. А. А. Олейников. М. : Европа, 2007. 608 с.
- Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцевой, Е. Коломойца, В. Кашаева ; науч. ред.: Л. Б. Макеева, М. А. Кукарцева. М. : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2009. 400 с.

- Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики : пер. с фр. / отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2005. 576 с. (Серия «Gallicinium»).
- Гадамер Х.-Г. Истина и метод : Основы философской герменевтики : пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
- Еремеев А. Ф. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. Часть четвертая : Природа эстетических модификаций. Свердловск : Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, 1975. 271 с.
- Загрядская А. С. Трансформация ольфакторной культуры // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12, № 1. С. 168–178. DOI 10.35853/vestnik.gu.2024.12-1.12.
- Закс Л. А. Метаценностный характер эстетического и системность основных эстетических ценностей (замечки на полях лекций по эстетике М. С. Кагана) // В диапазоне гуманитарного знания : [сб. ст.]. К 80-летию проф. М. С. Кагана / отв. ред. Т. А. Дорохова. СПб. : Изд-во С-Петербур. философского общества, 2001. С. 329–346.
- Левин К. Теория поля в социальных науках : пер. с англ. СПб. : Речь : Сенсор, 2000. 368 с. (Мастерская психологии и психотерапии).
- Левин, Курт // Википедия¹²: свободная энциклопедия : сайт. 16.07.2025. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Левин,_Курт?ysclid=mkpp0sjzmr84804768 (дата обращения: 17.01.2026).
- Лосев А. Ф. Эстетика // Философская энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. Ф. В. Константинов ; Науч. совет изд-ва «Сов. энцикл.» ; Ин-т философии Академии наук СССР. Т. 5 : Сигнальные системы – Яшты. М. : Советская энциклопедия, 1970. С. 570–577.
- Мамардашвили М. К. Превращенные формы: О необходимости иррациональных выражений // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию : [сборник] / сост. Ю. П. Сенокосов. М. : Прогресс, 1990. С. 315–328.
- Флигстин Н., Макадам Д. Теория полей / пер. с англ. Е. Д. Головляницыной ; под науч. ред. В. В. Радаева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 464 с.
- Zaks L. A. Psychology and culturology: A means of cooperating and problems associated with cooperation // Psychology in Russia: State of the Art. 2014. Vol. 7, no. 2. P. 14–26. DOI 10.11621/pir.2014.0202.

Информация об авторе

Лев Абрамович Закс, д-р филос. наук, профессор, ректор АНО ВО «Гуманитарный университет» (Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Lev A. Zaks, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Rector of Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

Статья поступила в редакцию | Submitted 21.01.2026.

Одобрена после рецензирования | Revised 28.01.2026.

Принята к публикации | Accepted 28.01.2026.

¹² В соответствии с ч. 1 ст. 11 ФЗ от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” на территории Российской Федерации», Роскомнадзором принято решение об информировании пользователей ru.wikipedia.org, что иностранное лицо, владеющее информационным ресурсом, является нарушителем законодательства РФ.